

Зорька-богатырь (Гатцук)

В некотором царстве жил-был царь с царицей. Всем бы хорошо было их житье, да одна беда: детей у них не было. Наконец, вспомнил царь, что у него в царстве есть знахарь, древний старичок, такой древний, что, бывало, еще дедушке царскому ворожил. И снарядил царь к тому знахарю послов с наказом спросить у него: живет, мол, царь с царицей десять лет, а все детей у них нет; так как тут быть? Доискалось посольство знахаря: жил знахарь в дремучем лесу один-одинешенек. Передали послы царский наказ и ждут ответа. Отвечает послам знахарь: «Пусть царь велит через топи-трясины непроходимые мосты построить с беседками. Как построят, пусть он сам в полночь под мостом сядет и людских речей послушает: как люди скажут, так пусть и сделает».

А в том царстве были топи-трясины непроходимые: кругом объезжать — три месяца, а прямоезжей дорогой было б ходу три дня, да только ни пройти, ни проехать той дорогой нельзя. Выстроили через те болота мосты крепкие с беседками, и стал царь под мост — людские речи слушать. В самую полночь слышит: идут по мосту двое нищих. Один говорит: «Спасибо царю, что мост построил и беседки понаделал: теперь прохажу и отдохнуть есть где». А другой ему в ответ: «Надо ему пожелать наследника. Кабы он догадался да велел за ночь, пока петухи не запели, шелковый невод связать, да тем неводом рыбу-щуку златоперую в озере, что посреди этих болот изловить, да царица бы той рыбы-щуки покушала — и сын бы у них родился». Поговорили нищие и пошли дальше.

Вернулся царь во дворец, а на другую ночь приказал до первых петухов связать шелковый невод и в озеро закинуть. Раз закинули — ничего не поймали; в другой закинули — опять ничего; в третий закинули — поймалась щука златоперая. Взяли щуку и отнесли к царю, а царь приказал ее, изготовивши, царице к столу подать. Когда повара щуку зажарили, пришла судомойка, положила ее на блюдо и понесла к царице, да дорогой оторвала крылышко и попробовала. Приняла блюдо из рук судомойки боярыня, оторвала другое крылышко и тоже попробовала. А всю щуку царица скушала.

И родилось у всех трех — у судомойки, у боярыни и у царицы — в один день, да не в один час, по сыну-богатырю. Судомойкин сын на заре родился — его Зорькой называли; боярский сын вечером родился — его Вечоркой называли; царский сын в полночь родился — его Полу ночкой называли. Хороши были боярский сын да царевич, а Зорька всех лучше уродился: по колена ноги в

чистом серебре, до локтей руки в красном золоте, на висках звезды частые, во лбу светел месяц. Росли все они трое вместе товарищами, только повадки были у них разные: как воротятся с гулянья, царский сын сейчас одежду меняет, боярский сын отдыхать ложится, а судомойкин сын за еду берется.

Кто растет по годам, а наши богатыри — по часам: кто в год — они в час таковы; кто в три года — они в три часа. Пришли в возраст, слышали в себе силу богатырскую, стали шутки шутить нехорошие: играючи на улице со сверстниками, кого за руку ухватят — рука прочь, кого за голову — голова долой. Стали люди царю жаловаться: «Уйми ты их, государь батюшка! Из-за их озорства много уж молодых ребят безвременной смертью побывшилось. Не вышел бы народ из терпенья, да чтобы и молодым твоим худа какого не приключилось».

Испугался царь, закручинился, стал думать крепкую думушку: как беды избыть — ничего придумать не может. Запереть молодцов в тюрьму каменную, за запоры крепкие — жалко; а так унять их удаль — не уймешь; кипит в них горячая кровь, сила богатырская наружу просится.

Только вдруг на ту пору из дальней стороны от султана индейского пришли послы к царю; просят их милостиво выслушать. Допустил их царь перед свои светлые очи, и стали послы речь держать:

«Было, — говорят, — у нашего, у индейского, султана три дочери красоты неописанной; берег он их пуще глаза своего в высоком терему, чтоб ни буйные ветры на них не повеяли, ни красное солнышко их не опалило. Раз как-то вычитали царевны в книге, что есть кругом их терема чудный белый свет, и когда пришел султан навестить их, они стали его со слезами упрашивать: „Государь ты наш батюшка! Выпусти нас на белый свет посмотреть, в зеленом саду погулять“. И надо же такой беде быть — согласился султан на их неотступную просьбу, отпустил их на белый свет поглядеть, в зеленом саду погулять.

Вышли девицы с мамками, с няньками, с санными девками из терема в сад; бегают-забавляются, каждой травкой любят. Вдруг, откуда ни возмись, нашла на небо туча черная, встала гроза страшная, дунул буйный вихрь, все деревья в саду к земле приклонились. Налетел чудо-юдо двенадцатиглавый змей и унес трех прекрасных девиц незнамо куда.

Кликнул клич султан по селам-городам: не возьмется ли кто дочерей его разыскать. „Кто это дело сделает — любую дочь за того замуж отдам, золотой казной награжу, не считаячи“. Только не нашлось в нашем славном царстве индейском таких богатырей: видно, перевелись они!

Тогда приказал султан по чужим землям клич кликать: из иноземных богатырей не сыщется ли кто? Слышно — есть у вас три сильномогучих богатыря: не откликнутся ли они на клич султанский?»

Обрадовался царь этому случаю. «Отпущу, — думает, — моих молодцов по белому свету погулять, людей посмотреть, себя показать. С змеем им не встретиться, — где его найдешь, а удаль у них, может, и поуймется». Зовет Зорьку, Вечорку и Полуночку перед свои ясные очи и говорит им таково слово: «Дети мои милые, соколы ясные! Зовет вас индейский султан вызволять его дочерей от двенадцатиглавого змея. Это дело по вас, будет вам потеха богатырская — лучше, чем товарищам на улице ноги да руки рвать». А Зорька, Вечорка с Полуночкой тому и рады: поклонились царю в ноги, благодарят за милость его царскую, просят благословения. Царь их благословил, на дорогу казной наградил: Зорьке кошелёк, Вечорке два, а Полуночке дал золотой казны не считаячи.

Пошли молодцы в оружейные палаты выбирать себе по руке оружие — не нашли подходящего: гнутся в их руках сабли острые, ломаются мечи булатные. Пошли в царские конюшни коней выбирать — и того хуже: на которого коня руку ни наложат — садится конь окарач. Вернулись богатыри к царю, о своей беде докладывают, и говорит им царь: «Коли так, ступайте вы, детки, к старому знахарю, что живет в дремучем лесу и еще дедушке моему ворожил. Не поможет ли он вам в вашей беде».

Пошли Зорька, Вечорка с Полуночкой по царскому приказу, да, по дороге идучи, между собою размолвились. Стали спорить: кому в походе старшим быть, кого другим слушаться. Спорили-спорили и порешили: кто всех сильнее, тому быть старшим, а прочим двум чтоб старшего слушаться. Стали сперва из тугих луков стрелять. Полуночка выстрелил, потом Вечорка, потом Зорька. Едут; не близко, не далеко лежит Полуночкина стрела; подальше упала Вечоркина стрела. А Зорькиной стрелы и сыскать не могли. Стали потом палицу железную десятипудовую вверх бросать. Полуночка бросил — палица через час назад упала; Вечорка бросил — через три упала, а Зорька бросил — и совсем не вернулась, только ее и видели. Порешили в третий раз силу пробовать. Поставил Полуночка рядом Зорьку с Вечоркой, ударил их по плечам — и вбил по колена в землю; Вечорка ударил Зорьку с Полуночкой — по грудь их в землю вбил; Зорька ударил Вечорку с Полуночкой — по самую шею вбил. Говорят тогда ему братья: «Будь ты между нами старшой, чтобы нам тебя во всем слушаться».

Долго ли, коротко ли шли добрые молодцы и пришли, наконец, в ту лесную тропу, где старый знахарь жил. «Знаю, детки, зачем вы ко мне пожаловали,

— говорит он им. — Нет по вас у царя ни коней, ни оружия. Так ступайте вы отсюда прямо на восход солнца; как выйдете из леса — промеж трех дорог, в чистом поле, под белою березою отыщете вы плиту железную. В полночь поднимите плиту — под ней найдете вы себе и коней, и оружие богатырское».

Пошел Зорька с товарищами доставать себе коней и оружие. Нашли в чистом поле плиту железную, а лежит та плита промеж трех дорог. Дождались молодцы полночи, за кольцо берутся, плиту поворачивают. Им конюшня открывается; в той конюшне три коня стоят, на железных цепях к столбу прикованы: один конь — на трех цепях, другой конь — на шести, третий конь — на двенадцати. Увидали кони богатырей, ржут — земля дрожит, из ушей, из ноздрей дым столбом валит, изо рта бьет пламень огненный.

На стенах висят доспехи ратные: седла черкасские, уздечки шелку шемаханского, стремяна булатные, копыя долгомерные, щиты, мечи-кладенцы, сабли острые — все оружие богатырское.

Стали богатыри себе коней и оружие выбирать. Зорька, старший богатырь, подошел к коню, что на двенадцати цепях прикован был, наложил на него руку могучую, по гриве погладил — стал конь как вкопанный. Оторвал Зорька все двенадцать цепей, оседлал коня доброго, опоясался мечом-кладенцом, взял в руки копье долгомерное, за спину щит закинул. Вечорка оседлал коня с шести цепей. Полуночка — с трех цепей. Снарядились богатыри и в путь-дорогу поехали — через горы высокие, через доли широкие, через реки глубокие, в страны дальние, неведомые.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Едут Зорька и Вечорка с Полуночкою не день, не два; доехали до реки Смородины, до того ли моста калинового. Завален мост костями человеческими — пешему по пояс; кругом по берегу лежат кости — коню по колено костей навалено.

«Что за притча, братцы? — говорит Зорька товарищам. — Надо узнать, отчего здесь столько костей человеческих лежит. Давайте побудем здесь, покараулим». Кинули жребий, кому первую ночь стеречь; досталось Полуночке.

Раскинули себе товарищи палатку, а Полуночка пошел к мосту сторожить; только, как пришел, залез в кусты и заснул крепким сном. Не понадеялся на него Зорька: как подошло время к полуночи, опоясался он мечом-кладенцом булатным, вышел и стал на мосту. Вдруг на реке вода взволновалась, на дубах орлы раскричались — выезжает на мост чудо-юдо змей трехголовый. Под змеем конь спотыкается. «Что ты, волчья сыть, травяной мешок, спотыкаешься? Или недруга слышал? Есть мне противник — Зорька-богатырь, да его костей и ворон сюда не занасивал». А Зорька

отзывается: «Ах ты, чудо-юдо! Да я и сам тут налицо». — «А зачем пожаловал? К дочерям моим или к сестрам свататься?» — «Нет, брат: в поле съезжаться — родней не считается; давай воевать». Взмахнул Зорька мечом-кладенцом — и снес змею сразу все три головы. Туловище в реку бросил, головы под мост спрятал.

Поутру проснулся Полуночка. «Ну что, не видал ли чего?» — спрашивают товарищи. «Нет, братцы, мимо меня и муха не пролетывала».

На другую ночь пошел Вечорка на дозор; забрался в кусты и заснул. Зорька на него не понадеялся: как подошло время к полуночи, снарядился, опоясался мечом-кладенцом булатным и стал на мосту. Вдруг на реке вода взволновалась, на дубах орлы раскричались, утка крикнула, в берегах звякнуло — въезжает на мост чудо-юдо змей шестиголовый. Под змеем конь спотыкается. «Что ты, волчья сыть, травяной мешок, спотыкаешься? Или Зорьку-богатыря слышал? Да я его на одну ладонь посажу, другой прихлопну — только мокренько будет». А Зорька отзывается: «Ах ты, чудо-юдо мосальская губа! Не поймав ясна сокола, хочешь перья щипать. Давай лучше силу пробовать: кто одолеет, тот и похвалится». Сошлись, ударились — задрожал мост калиновый. Чуду-юду не посчастливилось: с одного размаху сшиб ему Зорька три головы. «Стой, Зорька! Дай мне роздыху». — «Что за роздых. У тебя, чудо-юдо, три головы, у меня всего одна; вот как будет у тебя одна голова, тогда и отдыхать станем». Опять сошлись, ударились. Отрубил Зорька змею последние три головы. Туловище изрубил да в реку бросил, головы под мост спрятал.

Поутру пришел Вечорка в палатку с очереди. «Ну что, не видал ли чего?» — спрашивают товарищи. «Нет, братцы, мимо меня муха не пролетывала, комар не пропискивал».

На третью ночь собрался Зорька в свой черед на дозор идти. Повесил он белое полотенце на стенку, а под ним на полу миску поставил. «Братцы, — говорит, — я на смертный бой иду; а вы хоть эту-то ночь не поспите, присматривайтесь, как будет с полотенца кровь течь: если половина миски набежит — ничего; если полна миска набежит — все ничего, а если через край польется — спускайте тогда с цепей моего коня богатырского и сами торопитесь на помощь мне». Пообещали Вечорка с Полуночкой все так сделать, как Зорька наказывал.

Стоит Зорька на калиновом мосту, своей судьбы дожидается. Подошло время к полуночи. Вдруг на реке вода взволновалась, на дубах орлы раскричались, утка крикнула, в берегах звякнуло, пробудилась Гамаюн-птица, завыл в лесу

Серый Волк, застонал-зашумел дремучий бор — въезжает на мост чудо-юдо змей девятиголовый. Под змеем конь спотыкается. «Что ты, волчья сыть, травяной мешок, спотыкаешься? Или Зорьки-богатыря боишься? Да мне только дунуть — его и праху не останется». А Зорька отзывается: «Ах ты, чудо-юдо! Чего расхвастался, на рать идучи?» — «А, так ты, Зорька, уж здесь! Зачем пожаловал?» — «На тебя посмотреть, твоей крепости попробовать». Засмеялся змей: «Куда тебе мою крепость пробовать! Пропадешь, что муха в мороз».

Отвечает Зорька-богатырь: «Я пришел не сказки сказывать, а на смертный бой». Размахнулся своим мечом-кладенцом и срубил чудо-юду три головы..

Чудо-юдо подхватил эти головы, на места посадил — приросли они, будто и с плеч не падали.

Плохо пришлось Зорьке: стал змей одолевать его, по колена вогнал в сырую землю. «Стой, чудо-юдо! — говорит Зорька. — Цари-короли сражаются, и те замирение делают, а мы с тобой неужто будем воевать без роздыху? Дай мне роздыху хоть до трех раз». Змей согласился. Снял Зорька с правой руки рукавицу и кинул в палатку. Затряслась палатка, а Вечорка с Полуночкой спят, ничего не слышат.

Размахнулся Зорька мечом сильнее прежнего, срубил чуду-юду сразу шесть голов. А чудо-юдо обмакнул палец в кровь, подхватил эти головы, на места посадил — приросли они, будто и с плеч не падали. Ударил змей Зорьку и забил его в сырую землю по пояс. Опять запросил Зорька роздыху, снял сапог с правой ноги и кинул его в палатку. Ударился сапог, опрокинулась палатка, а Вечорка с Полуночкой все спят, ничего не слышат.

Размахнулся Зорька мечом, что хватило сил, и срубил змею восемь голов. Чудо-юдо обмакнул свой палец в кровь, подхватил эти головы, на места посадил — приросли они, будто и с плеч не падали, а Зорьку вогнал в сыру землю по самые плечи. Запросил Зорька в третий раз роздыху, снял с головы железный шлем и кинул в палатку: дрогнула сыра-земля, сорвался с цепи конь богатырский. Вечорка с Полуночкой проснулись. Глянули: кровь из миски через край ручьем бежит. Бросились они коней седлать, спешат брату старшему на выручку...

Прибежал богатырский конь и говорит Зорьке человеческим голосом: «Не одолеть тебе змея, пейса у него мертвый палец есть: этим пальцем он себе головы приставляет». Сел Зорька на своего коня, налетел на змея ясным соколом; не столько мечом бьет, сколько конем топчет. В том бою змею не посчастливилось: отрубил ему Зорька руку правую с мертвым пальцем,

отрубил ему все девять голов; туловище на мелкие части рассек и в реку бросил.

Тут и Вечорка с Полуночкой подоспели. «Эх вы, сони! — говорит Зорька товарищам. — Где вам воевать: вы и стеречь-то путем не умеете. Из-за вашего сна я чуть лютой смертью не пропал». Вынул он тут из-под моста все головы змеиные, показал товарищам и пуще стыдить их стал. Вечорке с Полуночкой те речи не по сердцу пришлись: молчат, насупились.

«Что ж, братцы, — говорит Зорька, — нам здесь не век вековать: едем дальше». Оседлали коней и поехали. Недалеко отъехавши, говорит Зорька товарищам: «Братцы, забыл я в палатке плетку; поезжайте шажком, я живо вас догоню». Повернул назад к реке Смородине, слез с коня, коня в заповедные луга пустил, сам сел под калиновым мостом и слушает.

Немного погодя, вышли из воды три змеихи и стали совет держать: как им богатырей извести, за смерть мужей отплатить. Одна говорит: «Я забегу вперед и пущу им день жаркий, а сама обернусь колодцем; в том колодце будет плавать серебряный ковш. Захотят богатыри сами напиться и коней напоить — тут-то и разорвет их на маковые зернышки». Другая говорит: «Коли это не поможет, я обернусь яблоней; на той яблоне будут висеть яблоки спелые, румяные. Захотят богатыри съесть яблочко — тут-то и разорвет их на маковые зернышки». Третья говорит: «Коли и это не поможет, я обернусь избушкою; захотят богатыри заночевать, войдут в избушку — разорвет их на маковые зернышки».

Перетолковали змеихи, ушли в реку Смородину. А Зорька кликнул из-заповедных лугов своего коня и поехал нагонять товарищей.

Тем временем Вечорка с Полуночкою едут да едут дорогой прямоезжею; глядь: в поле палатка раскинута, а у той палатки конь привязан. Подъехал Полуночка, слез с коня, заглянул в палатку: там на кровати Белый Полянин лежит. Как увидал он Полуночку, не говоря худого слова, хлоп его мизинцем по лбу, да под кровать и бросил. Вечорка ждал-ждал товарища, не дождался и сам в палатку вошел. Раз его хлопнул Белый Полянин мизинцем по лбу — зашатался богатырь; в другой хлопнул — и совсем свалился. И его Белый Полянин под кровать бросил.

Наезжает Зорька-богатырь. Распахнул полог: «Бог на помощь, молодец! — говорит. — Как тебя по имени звать, по отчеству величать?» А у Белого Полянина один ответ: изловчился он да Зорьку мизинцем по лбу хлоп! Заговорило ретивое у Зорьки-богатыря: ухватил он Белого Полянина за длинную бороду и ну таскать во все стороны; сам таскает, приговаривает: «Не

узнав броду, не суйся в воду! Не узнав богатыря, не охальничай!» Взмолился Белый Полянин: «Смилуйся, сильномогучий богатырь! Не предавай меня злой смерти! Буду я тебе слугой верным». Зорька тому не верует: вытащил из палатки Полянина, подвел к столбу дубовому, расколол тот столб надвое, забил туда его длинную бороду и хочет Полянина злой смерти предать. Глядь: из палатки Вечорка с Полуночкой вылезают. А Белый Полянин пуще просит: «Смилуйтесь, богатыри! Знаю я, куда вы едете: индейских царевен добывать. В этом деле и я вам пригожусь». Подумали-подумали богатыри и порешили простить Белого Полянина. Только отрубил ему Зорька его длинную бороду, вытащил ее из столба и про всякий случай в карман спрятал. «Сказывай, — говорит Полянину, — что тебе про царевен ведомо». — «Ведомо мне, что унес их двенадцатиглавый змей в подземное царство, а ход туда знает Баба-Яга. Лишь бы вам до нее добраться, — она вам всю дорогу расскажет как по-писаному». И напросился Белый Полянин богатырям в товарищи.

Едут богатыри голой степью; день жаркий, жажда измучила. Наехали на зеленый луг; на лугу трава-мурава, тут же и колодец стоит, в нем плавают ковшик серебряный. Вечорка с Полуночкой с крней слезли, пить собираются. «Стойте, братцы! — говорит Зорька. — Колодец стоит в степях, в далях; никто из него воды не берет, не пьет». Соскочил он со своего коня и давай тот колодец рубить, — только кровь брызжет. Вдруг, сделался день туманный, жара спала и пить не хочется. «Вот видите, братцы: какая вода настойная — словно кровь», — говорит Зорька-богатырь.

Поехали дальше. Голод богатырей мучит, а есть нечего. Долго ли, коротко ли — увидели они у дороги яблоню с яблоками спелыми, румяными. Говорит Полуночка товарищам: «Хоть по яблоку съедим, все легче будет». «Нет, братцы, — отзывается Зорька, — стоит яблоня в степях, в далях, одна в чистом поле: может статься, яблочки-то на ней червивые: съешь — еще хворь нападет». Соскочил Зорька с коня и давай яблоню сечь-рубить — только кровь брызжет. А у товарищей и голод пропал.

Едут дальше. Дело уже к вечеру подходит. Видят богатыри: избушка в поле стоит. «Скоро смеркнется, давайте переночуем в этой избушке». — «Нет, — говорит Зорька, — лучше раскинем палатку, в чистом поле переночуем. Эта избушка старая: того и гляди упадет да нас задавит». Соскочил со своего коня, подошел к избушке и давай ее сечь-рубить — только кровь брызжет. «Сами видите, — говорит, — какая это избушка: вся гнилая».

Едут богатыри через горы высокие, через доли широкие, через реки глубокие. Заехали в дремучий лес: света Божьего не видать. В том лесу стоит избушка на курьих ножках, на бараньих рожках, кругом поворачивается. Говорит

Белый Полянин: «Избушка-избушка, стань к лесу задом, к нам передом!»
Вошли они в нее, на лавку сели.

Вдруг застучало-загремело: откуда ни возьмись — Баба-Яга костяная нога в железной ступе едет, пестом погоняет, помелом след замечает, сзади собачка побреживает. Въехала в избушку: «Что за гости незваные?» — «Или не узнала меня, Баба-Яга? — спрашивает Белый Полянин. — А помнишь, как мы с тобой воевали тридцать лет без роздыху, как одолел я тебя, Ягу? Лютой смерти предать тебя нужно было, а я в ту пору тебя помиловал». — «Батюшка, Белый Полянин! Прости меня, старуху, что не сразу тебя признала». — «Слушай, Баба-Яга! Едем мы в подземное царство, где живет двенадцатиглавый змей, что, у индейского султана дочерей унес. Укажи нам дорогу, как поближе проехать». Баба-Яга рассказала им дорогу как по-писаному.

Держат путь богатыри все по лесу дремучему. Ехали-ехали и увидели пропасть темную, бездонную: заглянуть страшно. Тут и был ход в подземное царство.

Ход нашли, а как спускаться?.. Говорит Зорька товарищам: «Давайте, братцы, зверей ловить, из звериных шкур ремни делать, на тех ремнях и спустимся». Сказано — сделано. Кинули жребий, кому оставаться богатырских коней стеречь, вышло Белому Полянину. Бросили в пропасть ременный канат, стали спускаться поодиночке: Зорька первым, потом Вечорка, потом Полуночка. А Белому Полянину наказ дали: их около пропасти дожидаться.

Спустились богатыри в подземное царство. Видят: дворец стоит из чистого серебра, крыша золотая, в окнах вместо стекол камни самоцветные вставлены. Вдруг земля дрогнула; словно буйный вихрь, налетел чудо-юдо змей двенадцатиголовый; пасти разинул, обдал богатырей дыханьем огненным... И началось тут побоище великое. Три дня, три ночи бились богатыри с змеем без роздыха, по колена в крови змеиной стоят... На четвертый день одолели змея.

Вошел Зорька с товарищами во дворец, а там три царевны индейские сидят, золотыми цепями к стене прикованы. Освободили их богатыри. Крепко полюбились им прекрасные царевны, тут и кольцами богатыри с ними обменялись.

Дело сделано, пора и назад ворочаться. Пошли они, все шестеро, к тому месту, где спустились. Старшую царевну привязали к ременному канату — вытащил ее Белый Полянин на вольный свет; привязали среднюю — тоже вытащил; привязали младшую — и ее вытащил. Привязали Зорьку товарищи, стал

Зорька подниматься — и упал: обрезал Белый Полянин ременный канат, чтобы богатыри свету белого больше не видели! Пропадать богатырям ни за грош, ни за денежку: не одолел их чудо-юдо двенадцатиголовый змей, одолела хитрость злая...

А Полянин сел на своего коня, трех индейских царевен вперед себя посадил и пригрозил им лютой смертью, если кому правду скажут. Захотел было он и богатырских коней за собой вести, да кони из его рук вырвались, зова не послушались. Так и оставил их в лесу Белый Полянин, а сам поехал "с царевнами в царство индейское.

Время идет да идет — нет ни слуху, ни духу об Зорьке, об Вечорке с Полуночкой.

Спрашивает в своем темном лесу знахарь солнце красное: «Не видало ль ты трех сильномогучих богатырей Зорьку, Вечорку с Полуночкой?» — «Нет, не видало». — «Не видал ли ты, месяц ясный?» — «Нет, не видал». — «Не видал ли ты, ветер буйный?» — «Нет, не видал». Вышел знахарь в поле чистое, свистнул громким посвистом: не откликнутся ли кони богатырские? Глядь: Зорькин конь бежит. «Где ж хозяин твой?» — «Мой хозяин с товарищами в подземном царстве сидит и погибать им там, коли ты их не выручишь».

Кликнул тогда знахарь Ворона Вороновича и приказал ему вынести богатырей из-подземного царства на вольный свет. Полетел Ворон Воронович, подхватил Зорьку, Вечорку с Полуночкой на свои крылья могучие и вынес их на вольный белый свет. Сели они на своих коней и поехали в индейское царство.

А у султана индейского идет пир на весь мир, на радостях, что царевны сыскались. Сняли с себя Зорька, Вечорка и Полуночка доспехи богатырские, забрались в султанские палаты и стали служить у стола простыми слугами. Смотрят: сидит Белый Полянин на первом месте, величается, а против него за столом — индейские царевны сидят не веселы, пригорюнились. Величается Белый Полянин, индейскому султану похваляется: как он его дочерей от лютого змея выручил, как он за них свою кровь проливал, бился со змеем три дня, три ночи без отдыха.

Потихоньку зашли Зорька, Вечорка и Полуночка сзади индейских царевен и положили им на блюдо по золотому колечку, что царевны им в подземном царстве дали.

А Белый Полянин сидит еще пуще хвастается, рассказывает: как он трех сильномогучих богатырей, Зорьку, Вечорку да Полуночку, один победил и смерти предал за то, что они у него на пути царевен отнять хотели.

Вышел тут вперед Зорька и говорит: «А не в том ли бою, храбрый витязь, ты свою бороду потерял? Вот тебе она!» Кинул Полянину в глаза его бороду и рассказал: как они его помиловали, смерти не предали, а он их в подземном царстве покинул и царевен увез. И царевны ту Зорькину речь утвердили, богатырей своими избавителями назвали.

Приказал султан немедля Белого Полянина казнить смертью, а за Зорьку, Вечорку и Полуночку своих дочерей замуж выдать. Хотел было дать за дочерьми в приданое по полуцарству, да одному жениху полцарства не хватило. Оттого-то Полуночка, царский сын, и взял себе жену без приданого.